

Философия и духовный мир человека

Табачков А.С.

МИНСК

В статье в широком спектре аспектов – от онтологии до педагогики – рассматривается проблема соотносительности философии и духовного мира человека.

Цель статьи – выяснение бытийных оснований роли, играемой философией в конституировании духовного мира, ее места в структуре опыта жизни и значения преподавания философии.

Материал и методы. *Материалом служит авторское изложение наиболее важных моментов обсуждаемой проблематики, использующее положения опубликованных научных работ. Применены методы философской интерпретации и онтогносеологической аналитики.*

Результаты и их обсуждение. *Философия не эпифеноменальное изобретение человечества – наша способность осознано быть в бытии послужила первичной причиной и появления, и постоянной потребности в имеющем дело с бытием знании.*

Заключение. *Обладая интегрирующим универсализмом и имея в пределе собственно своим предметом само бытие, философия даже вне акцентирования марксова XI тезиса уже преобразует мир, в том числе, и через мир духовный, включая личное его измерение. Поэтому ее преподавание просто не может не быть одной из важнейших задач университета.*

Ключевые слова: *духовный мир, человек и философия, человек и бытие.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 82–86)

Philosophy and the Spiritual World of Man

Tabachkov A.S.

Minsk

In the article in a broad spectrum of aspects – from ontology to pedagogy – a problem of correlation of philosophy and the spiritual world of man is considered.

The purpose of article is clarification of ontological groundings of the role, played by philosophy in formation of spiritual world, its place in structure of experience of life, and value of Philosophy teaching.

Material and methods. *The material is the author's account on the most important points of the discussed problematic that uses statements of published scientific works. Methods of philosophical interpretation and onto-gnoseological analytics are applied.*

Findings and their discussion. *Philosophy is not mankind epiphenomenal invention – our ability reasonably to be in Being has served as primary cause of emerging and constant need for knowledge dealing with Being.*

Conclusion. *Possessing integrating universality and having as its ultimate subject Being itself, philosophy even without accentuation of marx's XI thesis is already transforming world, including through the world spiritual and its personal dimension. Therefore, its teaching simply should be one of the major tasks of the university.*

Key words: *spiritual world, person and philosophy, man and Being.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 82–86)

Часть тем философии столь глубока и одновременно обширна, что нашему восприятию сразу же хочется их отнести к некоей, скорее, лишь рубрикации, объединяющей более специализированные и представляющиеся более доступными к интерпретативному освоению темы. Не отрицая этой их функции, скажем, что и сами по себе подобные темы все-таки не должны быть оставлены без внимания ибо, при удаче автора, несмотря на слишком общее свое первоначальное звучание, несмотря на лишь кажущуюся или даже действительную уже

разработанность их, раскрыть и показать они могут нечто важное, недоступное иногда всей сумме более узких тем. К таким большим темам, безусловно, относится и тема данной статьи, об удачности же нашего обращения к ней судить самому читателю.

Цель работы – выяснение бытийных оснований роли, играемой философией в конституировании духовного мира, ее места в структуре опыта жизни и значения преподавания философии.

Материал и методы. Материалом служит авторское изложение наиболее важных моментов пробле-

матики отношений духовного мира человека и философии, использующее положения опубликованных научных работ, включая собственные единолично и в соавторстве написанные монографии, и релевантный тематике данной статьи фрагмент произведения классики мировой художественной литературы. Используются методы философской интерпретации, онтогносеологического анализа, онтико-онтологической аналитики опыта существования, а также отдельные подходы и истолкованные в соответствии с предметом и задачами настоящей работы тезисы философской эстетики, философии истории и общей педагогики.

Результаты и их обсуждение. Чем в отношении духовного мира человека является философия? И как, в свою очередь, духовный мир человека, в том или ином его историческом, быть может, не состоянии (так мы ушли бы в вульгарную, деавтономизирующую духовное, обусловленность), но настроении влияет на бытие самой философии, на актуальную репрезентацию философского знания?

Нужно сказать, что минувшие двадцать четыре века, если считать от Платона, не дали нам однозначного ответа в смысле показанного в самой социокультурной реальности, запечатленного в событиях ее истории, влияния на человека философии и всего, тесно связанного с ней и напрямую использующего ее элементы. В них ведь и великое влияние христианской доктрины и, особенно в прошедшем великом веке, преобразующее всю реальность воздействие социальных теорий и идеологий, марксизма, в первую очередь, – но в них и никогда не покидавшие человека волюнтаристские и грубо-материалистические способы отношения к жизни, тесно вплетавшиеся даже в действительные интерпретации вышеназванных реализаций больших, цивилизационно-антропологического масштаба, проектов духовного: политическая инструментализация христианской веры во многие периоды истории, материалистический, социально-экономический редукционизм, часто свойственный влиявшим на практику толкованиям марксизма, да и что скрывать, не чуждый и его изначальной теории, не преобразованный и не преодоленный до конца еще в ней – что бы ни говорил в своей прекраснородушной, но откровенно неубедительной апологетике Фромм [1, р. 9–19].

Очевидно, что влияние – и взаимовлияние – духовного мира и философии разнообразно в структурных формах своего осуществления. Здесь и непосредственное влияние элементов философской концептуализации и интегрального целого усвоенного и осмысленного корпуса философии на духовный мир индивидуума, под которым мы будем понимать интеллектуально развитого человека той или иной эпохи и, конечно, нашей современности, прежде всего. Здесь же и различные очень важные виды опосредования обсуждаемого влияния, в первую очередь, через результаты общественной деятельности и твор-

чества исторических персон, находившихся под тем или иным влиянием философии или родственного ей духовного – политиков, писателей, деятелей церкви (вплоть до влияния философских элементов мировоззрения родителей на растущего ребенка), а также самих философов в социальной проекции их деятельного присутствия в истории, прижизненного и не только. И, наконец, картина не была бы полной без трудно выделяемого, но несомненного, скажем так, отдаленно-распределенного влияния философии на саму ментальную атмосферу того или иного периода истории, того или иного общества – и на саму ноосферу, если угодно.

В свою очередь, философия жива этими своими влияниями, пусть по-настоящему, в подлинном своем содержании, совершает движения редко; помимо появления гения, нужна ведь еще и аудитория, способная его узнать и этим узнаванием поддержать – и продолжить начатое им в истолкованиях, приложении ему открывшегося к другим дисциплинам, в переводах и, конечно же, в применении в образовании.

Но начать нужно с самого предельного, в отношении философской компоненты рассматриваемой нами соединенности, случая – с человека-философа как такового. Определяет ли философия его духовный мир? Да, в значительнейшей степени, определяет, биографические свидетельства и произведения самого творчества мыслителей не оставляют в этом никаких сомнений. Но и они, мыслители – любили, земной любовью тяжелых, непрозрачных для разума, желания и страсти, и они, пусть отчасти и по-своему, не так как прочие, бывали увлекаемы течениями и событиями политической истории или превратностями межличностных и цеховых отношений, соперничеством за прижизненное, немедленное признание, как это было с Шопенгауэром, например.

У тех из них, в чьем литературном наследии почти непосредственно слышна та самая внутренняя речь, у Соловьева и Унамуно, например, мы можем понять, что определение философией жизни все-таки сродни другим подобным экзистентным детерминациям творческой деятельностью по призванию, из специфичного здесь, пожалуй, можно назвать философичное истолкование универсальных человеческих явлений (к примеру, снов – у того же Соловьева), глубокое, трагическое переживание даже довольно обычных событий политики (как у Альтюссера, например), видимых мыслителями неизбежно (и чрезмерно, быть может) уже во всемирно-исторической и бытийной перспективе.

Наряду с индивидуальным образом культуры эпохи, с переплетенными с собственной уникальной судьбой отражениями ее идеологии и истории, в человеке, любом человеке, не обделенном с рождения и достаточно развитым духовно, сильны – как замечательно и с настоящей любовью к людям было показано это Маркузе [2, р. 180–202] – и инстинктуальная, и, возьмемся лишний раз сказать уже мы, вообще

уходящая далеко в непознанное и даже в еще-не-случившееся/еще-не-состоявшееся (и в не-предопределенное) сторона, неподвластная никакой бихевиористической или подобной редукционистской психологии и во-многом сокрытая и от самого индивидуума, лишь изредка, в самые важные моменты деятельности, творчества, жизни, если повезет, дающая о себе знать.

Об этой над-онтологической топологии человека и пытались своими способами все эти века нам повествовать и Платон, и Библия, и высокое искусство.

Поэтому и сознание человека, как сказал поэт, «is its own place» [3, p. 10], и эту самоуместную суверенность, вместе с несомненной первородной принадлежностью его обладателя к ряду коренных явлений Мироздания, даже само это сознание, сам человеческий ум не смогут воспроизвести ни в каких самых совершенных машинах или вновь сконструированных организмах так называемого искусственного интеллекта – уже просто по логике отношений творца и им же сотворенной твари – и бытия, с его космосом и его культурой, бытия как родного дома только первого из них [4, с. 31–71]. Могут селиться в нем только новые люди, дети, поскольку они всегда от природы, от космоса, и способны, как и положено, превзойдя родителей, стать уже сверхприродным и сверхкосмическим продолжением по отношению к ним, и произведения культуры, если они суть действительные добавления к самому человеку и его бытию [5, с. 60–79]. И данный разумом и интуицией план этого местопребывания, пусть неизбежно и, быть может, даже необходимо далеко не полный и очень неточный, имеется в философии и нигде больше.

Человек просто не может хотя бы время от времени не толковать сам себе (и друзьям, и близким) свою и видимую им жизнь, вместе с навивной или нет личной историографической интерпретацией событий общесоциальных [6, с. 97–98], некое прото-философствование необходимо развитому человеку просто для проживания его деятельной и страдательной жизни в сложной и полной противоречий реальности. Даже человек глубоко религиозный на самом деле не может без подобного, в этом случае религиозно-философского, первичного истолкования обойтись, постулаты веры надо ведь интерпретировать к лично своей ситуации, к вновь возникающим важным проблемам современности, вроде упоминавшегося здесь искусственного интеллекта – проблеме сложной, в том числе, в силу содержащегося в ней, как и в прочих подобных проблемах, потенциала как и к очень хорошему, благому, если позволительно нам здесь сказать, богоугодному, так и – в недобрых руках (а так и есть сейчас во-многом) – к очень плохому, злему, даже откровенно сатанинскому развитию.

В конце концов, философия ведь не случайное, не эпифеноменальное изобретение – человек как разумное и смертное существо, начиная с определенной стадии духовного развития, просто не может без нее

или чего-то сущностно подобного обходиться; наша способность осознано быть в бытии послужила первичной причиной и появления, и постоянной потребности в имеющем дело с бытием знании.

Продолжая двигаться от высокосовершенного духовного мира философа вниз – ведь мы, люди, несовершенны и неоднородны, не признавать этого нельзя хотя бы потому, что это по-своему также есть следствием нашей экзистентной природы, нашей способности к дальнейшему развитию, нашей открытости бытию – и остановившись на том последнем уровне одаренности и культуры мышления, где еще возможны неискаженные в низкую «мудрость», сродни плохо понятой поговорке, философские концепты, мы увидим, что и здесь что-нибудь вроде перехода количества в качество или эволюции служат поводами высокой рефлексии сознания, а значит, и продолжения живого, непосредственного существования элементов философского знания.

Важной частью этого существования, применительно к мышлению обычного, нормального человека, является та роль, которую даже бедный и фрагментарный состав усвоенного из философии и родственного ей знания играет в задании эталона в критической рецепции дискурсивной аргументации любой тематики (политико-идеологической, эстетической, этической, правовой) и вообще в инициации/укреплении культуры критического мышления, без защитных и проясняющих функций которого тяжело представить полноценную духовную жизнь человека.

И чем больше индивидуальных духовных миров могут хотя бы на этой последней черте удержаться, тем, конечно, богаче само всеохватное бытие, нуждающееся в человеке как в микрокосмической инстанции собственного установления и собственного продолжения как именно бытия, нуждающегося в каждом, способном к тому индивидууме, как в экзистентно-суверенном векторе своего подлинного, не материально-количественного роста, квантированного в целостных и способных видеть и понимать – и с тем принять в себя целое бытия – мирах; и духовность этих человеческих миров, даже лишь в восприятии уже творческая и свободная, есть единственным онтологически возможным способом производить это иначе даже немислимое принятие. Это она объединяет дар мира, говори о нем хоть научные космогония и биология, хоть Библия, и способность его принять, в ней подобие дарителя и одариваемого, совершенно необходимое для возможности самого этого величайшего акта.

Конечно, философия не единственный язык деятельного общения большого и малого, универсального всеобщего и уникального человеческого бытия, есть ведь еще и красота эстетики в видении и творчестве, есть инстинктивное и интуитивное, сама экспликация которых крайне трудна и неизбежно фрагментарна, есть в этом предельном общении и таинственное, сейчас и, отчасти, наверное, навсегда неподвластное

изучению, но именно философия, возьмем на себя смелость сказать, есть, своего рода, понятийным эсперанто, проникающим во все эти способы взаимодействия человека и бытия. Обобщая и объединяя все эти способы, философия и все основанное на ней, поддерживают еще и общность духовного мира – и мира большого и самого бытия. Здесь, в *lingua vita* этой общности, бытие только и может быть представлено человеку как таковое – и здесь же человек только и может подобным же, целостным образом, представить себя самого.

И трансгрессии, вроде попытки изобразительного искусства стать концептуальным, безусловно философской «метапсихологии» позднего Фрейда, опытов высокого кинематографа по показу даже самого времени как категории организации реальности или подчеркнутой философичности многого в художественной литературе, только свидетельствуют наличие и доказывают действительность существования этой центральной магистрали единения духовного мира и бытия.

Необъяснимое принципиальное неустаревание философии, ее очевидный супракультурный статус – по крайней мере в границах ее, и всех нас, ойкумены, исторической большой Западной цивилизации – показывают, что то, о чем мы попробовали сказать здесь – не следствие профессионального преувеличения, но все-таки отражает истинное положение дел. И поскольку мы уже затронули здесь профессиональное, а также потому, что данный текст вообще пишется по случаю годовщины создания одного из институализированных коллективов этой отрасли знания, возьмемся сказать и о том, что педагогическая составляющая философии как дисциплины высшего образования и исторически, и в отношении к реалиям нынешней непростой эпохи, разработана, конечно же, недостаточно. И это не вопрос только частной динамики одной из составляющих работы системы образования, от сотрудничества философии с педагогикой зависит, останется ли она тем ранее названным здесь живым языком, объединяющим человека, его духовный мир и бытие, а равно, останутся ли открытыми все области их встречи – от эстетики высокого искусства до научной методологии.

Да, уже в силу своих совершенно уникальных особенностей, частично упомянутых выше, философия трудна в дидактическом освоении, осложненном известной предвзятостью обывательского восприятия и собственными парадоксами вроде неоднократно описанного едва ли не платоновского припоминания, преследующего при ее изучении всех, кому судьба потом, так иначе, стать философом.

Кому судьба, у кого призвание, тот станет философом несмотря ни на какие дефициты преподавания, но подавляющему большинству других обучающихся, которым в их дальнейшей духовной жизни и, вполне вероятно, в профессиональной деятельности, а также в обдумывании важных жизненных ситуа-

ций, в воспитании собственных детей, наконец, тоже будет нужен хотя бы некий базовый минимум представлений о философии, требуется помощь образования. И ее, с учетом произошедших и не всегда положительных изменений в готовности обучающихся к восприятию и освоению подобного знания, система высшего образования должна уметь оказать. Конечно, не к примитивизации преподаваемого материала, не к аттракциону принципиально не нужных философии компьютеризированных визуализаций, но к поиску путей через не по их вине имеющихся у молодых поколений провалов в общей культуре следует тут призывать, и нам кажется, что именно философия, разумеется, благодаря неизбывной важности и возвышенной простоте ее основополагающих проблем, к этому может оказаться способной.

Де-философизация внутреннего мира человека уже сейчас видна в мышлении, к примеру, она бросается в глаза в публикациях западных ученых – в слабой, иногда просто наивной концептуализации добываемых инструментами данных, в по-детски фантазийном строении гипотез, в примитивной и изолированной картине мира вообще, основанной очевидно на чем-то много более упрощенном, чем даже известная «онтология по умолчанию» прежних ученых.

Как нам уже доводилось ранее не раз писать, нездоровая, неумная искусственность интеллекта настигла нас много ранее сколь-либо правдоподобных попыток его собственно машинного моделирования – вследствие неудач и массовой культуры и, в первую очередь, образования.

И следует понимать, что место, по праву, по смыслу культуры, принадлежащее, но так и не занятое во внутреннем мире человека философией, в случае наличия хоть малой внутренней потребности в подобном будут стремиться занять ее недолжные подмены – эрзац-концепты дешевой масскультурной фантастики, магические и обрядоверческие конструкты, основанный на незнании нигилизм, псевдонаучные полубезумные конспирологические «гипотезы» и политико-идеологические верования грубого, крайнего, но привлекающего своей простотой и вызовом обществу толка. Вне базиса философии и родственного ей знания, критическая способность может ведь опереться только на расхожие мнения и врожденные инстинкты и вкус, ведь здравый смысл здесь, скорее, благоприобретенная, воспитанная и развитая способность.

Заключение. Пусть тезис Делёза и Гваттари о том, что не наука, но лишь философия владеет концептом как таковым [7, р. 33], быть может, чересчур радикален, он не лишен связи с истинным положением дел. Ведь, говоря о традиционно выделяемых, издавна институализированных составляющих создания и пребывания духовного – искусстве, науке, религии и самой философии, нельзя не отметить, что лишь последняя способна к концептуализирующему

контакту со всеми остальными, и существование философской эстетики, философии религии и философии науки есть тому доказательством.

И данная же соотнесенность закономерно воспроизводится в духовном мире индивидуума, разумеется, достаточно развитого для действительной причастности его к великим областям.

Обладея интегрирующим универсализмом и имея в пределе собственно своим предметом само бытие, философия преобразует мир, в том числе и через духовный мир человека, включая личное его измерение, индивидуальное ведь не подразумевает социально атомизированное.

И преподавание этой универсалии духовного просто не может не быть одной из важнейших задач университета.

Литература

1. Fromm, E. *Marx's Concept of Man* / E. Fromm. – New York: Frederick Ungar Publishing Co., 1971. – 263 p.
2. Marcuse, H. *Eros and Civilization. A Philosophical Inquiry into Freud* / H. Marcuse. – New York: Vintage Books, 1955. – 256 p.
3. Milton, J. *Paradise Lost. A Norton Critical Edition* / J. Milton; G. Teskey (Ed.). – New York; London: W.W. Norton & Company, 2005. – 591 p.
4. Ростовская, О.М. *Человек перед лицом истории: монография* / О.М. Ростовская, А.С. Табачков; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 151 с.
5. Табачков, А.С. *Рассуждение об эстетическом воспитании: монография* / А.С. Табачков, Н.В. Щепеткова. – М.: Мир науки, 2025. – URL: <https://izd-mn.com/PDF/09MNNPM25.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Табачков, А.С. *Метагеоретическая репрезентация исторического прошлого* / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2009. – 242 с.
7. Deleuze, G. *What is Philosophy?* / G. Deleuze, F. Guattari. – New York: Columbia University Press, 1994. – 253 p.

Поступила в редакцию 17.04.2025